

Дань Юнь взяла Цзян Нин за руку и вывела из комнаты, Хун Лин тоже убрала хвост и ушки, следуя за ними.

Этот подойдёт.

Цзян Нин с улыбкой кивнула:

— Старшая сестра, вторая старшая сестра, но у меня ведь нет ничего, чем я могла бы вас отблагодарить.

У Цзян Нин совсем ничего не было с собой. Она приняла подарки от других, но не могла сделать ответный жест, и на душе ей было откровенно неловко.

— У нас, ёкаев, нет понятия взаимности в подарках. Я хочу сделать тебе подарок, потому что ты — моя младшая сестрёнка.

Дань Юнь подтянула Цзян Нин к столику, где была выставлена пудра и румяна, взяла одну коробочку и открыла её:

— Сяо Нин, взгляни, нравится ли тебе.

Цзян Нин приняла коробочку обеими руками, сначала посмотрела на цвет, а затем поднесла к носу и принялась.

Лёгкий аромат проникал в самую душу — приятный, не приторный.

— Мм, мне это нравится.

Цзян Нин никогда раньше не пользовалась макияжем и мало что смыслила в румянах и пудре, но раз Дань Юнь протянула ей эту вещь, она была вне сомнений превосходна.

— Давай я тебе примерю.

Дань Юнь кончиком пальца растерла немного румян и провела по губам Цзян Нин.

Естественный цвет губ Цзян Нин был нежно-розовым, с влажным сиянием, а когда румяна легли на них, прежний нежный оттенок сменился алым, отчего лицо стало выглядеть ещё более ослепительным и чарующим.

Дань Юнь мягко произнесла:

— Ссомни губы.

Цзян Нин послушно сомкнула и разомкнула губы.

— Красиво.

Едва Дань Юнь закончила, Хун Лин тут же подступила ближе, разглядывая результат, и не преминула высказать похвалу.

Цзян Нин улыбнулась, изогнув губы:

— Тогда я возьму именно это.

— И правда очень красиво! Хозяйка Дань, у вас есть ещё такая коробочка с румянами? Мне тоже одну заверните.

Посетительницы в лавке тоже обратили внимание на происходящее. Увидев, как румяна легли на лицо Цзян Нин, они тут же принялись наперебой требовать продать им точно такую же коробочку.

— Есть, это новинка в нашем магазине.

Увидев клиенток, Дань Юнь с улыбкой передала коробочку с румянами Цзян Нин:

— Сяо Нин, вы с Сяо Лин подождите меня немного.

После этого она отправилась обслуживать покупателей.

Хун Лин неизвестно откуда притащила бронзовое зеркало и поднесла его прямо к лицу Цзян Нин:

— Ну же, сестрёнка, погляди, хороша ведь?

В зеркале отражалось лицо Цзян Нин. Пусть зеркало и не отличалось особой чёткостью, Цзян Нин всё же испытала лёгкий трепет и восхищение.

О небеса, неужели она и правда такая красивая? Неудивительно, что Уван захотел сложить монашеские обеты и взять её в жёны.

Цзян Нин знала, что красива, но ей никогда раньше не доводилось смотреться в зеркало, и она понятия не имела, насколько именно.

Теперь же, заглянув в отражение, она осознала, что её красота ничуть не уступает красоте Дань Юнь и Хун Лин.

— Красиво.

Цзян Нин внимательно рассмотрела оттенок на губах, а затем повернула голову и с ослепительной улыбкой посмотрела на Хун Лин:

— Раз сестрица сама делает такие румяна, они просто не могут быть другими.

Хун Лин опустила бронзовое зеркало:

— Ах ты моя хорошая сестрёнка!

Она шагнула вперёд и заключила Цзян Нин в крепкие объятия:

— Ну почему ты так умилительно улыбаешься! До того послушная, что мне аж хочется тебя подразнить.

Цзян Нин моргнула, перестала улыбаться, обиженно надула губки и пробормотала:

— Ты опять затеваешь со мной драку!

— Вовсе нет~

Хун Лин обняла Цзян Нин и слегка покачала её из стороны в сторону, отчего хрупкое тело Цзян Нин затряслось.

Поди пойми её, ну что за безумие на этот раз овладело этой второй сестрицей.

Обслужив ещё несколько покупателей, Дань Юнь закрыла лавку пораньше.

Всё потому, что она собиралась повести двух своих сестриц погулять.

Цзян Нин уже изрядно извелась взаперти, и теперь, когда выдалась редкая возможность выйти на улицу, она радовалась больше всех.

Хун Лин тоже давненько не выбиралась с сестрой на прогулку.

Трое потрясающе красивых красавиц, идущих вместе, мгновенно привлекли всеобщее внимание на улице.

Прогуляв всю вторую половину дня и накупив уйму всякой всячины, Цзян Нин совершенно забыла про Увана.

Когда Дань Юнь предложила зайти к ней на ужин, Цзян Нин с радостью согласилась.

Муж Дань Юнь, Хуай И, был ученым человеком: сдав экзамен на звание цзюйжэня, он решил больше не продвигаться по ступеням экзаменов, а остался в Юнчэне простым учителем.

Дань Юнь познакомила Цзян Нин с Хуай И, после чего они вдвоём отправились готовить ужин, чтобы накормить гостей.

Цзян Нин и Хун Лин, каждая с засахаренными фруктами на шпажке, купленными на улице, уселись на крыше и принялись за угощение.

Что до того, почему они забрались именно на крышу — ну, разумеется, потому что, по словам Хун Лин, отсюда открывался отличный обзор и это было самое подходящее место для болтовни.

Насчет подходящего ли для болтовни места Цзян Нин не знала, но видимость и правда была отменная.

Стоило ей доесть свою засахаренную ягоду, как она заметила Увана, шагавшего сюда из переулка.

Только тогда Цзян Нин осознала, что её, кажется, не было дома целые сутки.

Уван явился на поиски.

Цзян Нин тут же легонько хлопнула по плечу Хун Лин, которая блаженно растянулась на черепице и продолжала хвастаться своими прошлыми грандиозными подвигами.

— Вторая сестрица, за мной пришёл Уван!

В этот момент Цзян Нин чувствовала себя точь-в-точь как ребёнок, сбежавший из дома погулять и испуганно затрепетавший при виде родителя, явившегося вернуть его обратно.

— Чего? Этот вонючий монах приплёлся? Хун Лин торопливо перевернулась и села, её лисьи

ушки выскочили наружу и слегка задрожали.

Цзян Нин схватила Хун Лин, которая уже собиралась броситься в бой:

— Я сама пойду и всё объясню Увану, а ты сиди смирно!

Хун Лин, пойманная за руку, была вынуждена сделать круг и снова опуститься на место.

— Ты пойдёшь? Смотри, как бы он снова тебя не утащил, а ведь ты ещё не попробовала стряпню старшей сестры.

Хун Лин не хотела отпускать Цзян Нин, ведь они сегодня так набесились и наигрались вместе.

Обе они обладали шумным и резким характером, так что сошлись идеально.

— Я сама поговорю, жди здесь.

С этими словами Цзян Нин, не дожидаясь ответа Хун Лин, в два счёта соскочила с карниза и побежала к Увану.

— Уван! — окликнула его Цзян Нин.

Уван заметил её уже давно и стоял на месте, поджидая, пока она подойдёт.

Выражение лица Увана было ледяным, от одного взгляда на него становилось жутко.

Подойдя вплотную к Увану, Цзян Нин ещё яснее почувствовала его состояние.

Он злился.

И злился страшно.

Не дав Цзян Нин и слова сказать, он грубо схватил её за руку и потащил обратно.

Сила хватки была такова, что Цзян Нин показалось, будто её запястье зажало в железных клешнях краба, было больно...

— Уван, ты делаешь мне больно!

Голос Цзян Нин дрожал, срываясь на плач, пока Уван волочил её за собой. Уван в гневе был поистине ужасен.

С каменным лицом, храня молчание, он излучал такое мощное давление, что казалось, будто он находится на грани ярости.

Хватка на её руке немного ослабла, и внезапно Уван прижал Цзян Нин спиной к стене в переулке.

В тот самый момент, когда Цзян Нин подумала, что он собирается её поцеловать, она заметила его слегка покрасневшие глаза.

Цзян Нин на мгновение растерялась.

Уван продолжал прижимать её к стене, глядя на неё тяжёлым, пронзительным взглядом, словно стремясь запечатлеть её в своём сердце раз и навсегда.

— Я думал, ты ушла.

Цзян Нин могла лишь покачать головой, не отводя глаз от Увана.

— Я никуда не уйду.

Неизвестно, поверил ли Уван её словам, но он крепко переплел свои пальцы с её рукой.

— Паршивый монах,пусти мою младшую сестру!

В этот самый миг Хун Лин стремительно бросилась в атаку.

Цзян Нин и Уван не разжали рук, и Уван, рывком отбросив Цзян Нин за спину, взмахнул рукой, мгновенно рассеяв сотворенное Хун Лин заклинание.

Хун Лин уже вернулась в свой истинный облик, и ярко-красная лисица молнией атаковала Увана.

Уван зашептал заклинание, и висевшие у него на шее буддийские чётки взмыли в воздух. Бусины разлетелись в стороны, обратившись в ослепительное буддийское сияние, которое устремилось на Хун Лин.

Буддийское сияние настигло Хун Лин, её огненно-рыжие хвосты взметнулись веером, и она вновь бросилась на Увана.

Увидев эту страшную заварушку, Цзян Нин едва не лишилась чувств от страха.

Она в ужасе вцепилась в рукав Увана:

— Уван, прекрати! Не смей бить мою вторую старшую сестру!

Цзян Нин смертельно боялась: одно лишь зрелище этого буддийского сияния внушало ей боль, что уж говорить о том, если бы оно ударило по самой Хун Лин.

Уван скосил взгляд на Цзян Нин.

Взмахом рукава он отбросил Хун Лин назад.

Буддийские чётки послушно вернулись к нему и снова собрались в единое ожерелье.

Цзян Нин попыталась броситься к Хун Лин, чтобы проверить, всё ли с ней в порядке, но Уван крепко держал её за руку.

Оставалось лишь с тревожным сердцем смотреть на лисицу.

Хун Лин тряхнула лисьей головой и оскалилась на Увана.

— Вторая старшая сестра, я же просила тебя не подходить! Я в порядке.

Боясь, что Уван и Хун Лин снова сойдутся в схватке, Цзян Нин поспешила заслонить собой Увана и заговорила с Хун Лин:

— Хун Лин, хватит.

Хун Лин сердито взмахнула хвостом и вновь приняла человеческий облик.

— Я же всё видела! Этот паршивый монах обижал тебя!

Она свирепо зыркнула на Увана.

— Нет, он меня не обижал, ты всё не так поняла.

Цзян Нин почувствовала, как сильно устала от всего этого.

Хун Лин яростно заскрежетала зубами, фыркнула носом и умолкла.

Тогда Цзян Нин повернулась к Увану и с умоляющей интонацией произнесла:

— Уван, давай вернемся чуть позже, можно?

Она всё еще помнила предложение Дань Юнь остаться на ужин, и раз уж та сама встала к плите ради неё, уйти просто так было нельзя.

Уван опустил на неё взгляд, безмолвно требуя объяснений.

— Видишь ли... помнишь белую лису, которую мы встретили в прошлый раз? Теперь она моя старшая сестра. Она пригласила меня поужинать, поэтому я хочу остаться, а потом уже пойти домой. Пойдем со мной!

Цзян Нин с улыбкой снова взяла Увана за руку и слегка покачала её, пытаясь ластиться.

Уван приоткрыл рот, собираясь что-то ответить.

Испугавшись отказа, Цзян Нин тут же выпалила:

— Разве ты не говорил, что снимешь рясу и женишься на мне? Вот и отлично, покажешься моей сестре — пусть посмотрит на своего будущего зятя.

Эти слова Цзян Нин безотказно подействовали: они не только заставили Увана проглотить готовый сорваться с языка отказ, но и полностью лишили его дар речи.

И выражение его лица уже не казалось таким ледяным, как прежде.

— Ну так что, идём? Цзян Нин увидела, что Уван смягчился, и продолжила ласковым, убаюкивающим голосом:

Уван шевельнул губами и в конце концов выдал лишь одно:

— Мм.

Цзян Нин с облегчением улыбнулась — еще чуть-чуть, и дело дошло бы до драки.

Успокоив Увана, Цзян Нин тут же под села к Хун Лин.

— Вторая сестрица, ты в порядке?

Она взяла Хун Лин за руку и участливо спросила.

Хун Лин с напускным высокомерием фыркнула:

— Разве со мной может что-то случиться?

— Главное, что ты цела, а то я чуть со страху не умерла.

За обеденным столом воцарилась неловкая атмосфера.

Дань Юнь налила Цзян Нин пиалу супа и поставила перед ней, а Цзян Нин с улыбкой поблагодарила ее.

Хуай И тут же последовал ее примеру и налил пиалу супа Дань Юнь.

— Жена.

Хуай И подвинул суп к Дань Юнь, и они обменялись нежными, полными чувств взглядами, отчего в воздухе словно заискрились розовые пузырьки.

Хун Лин же вовсю уплетала угощения, зажав палочками еду.

Цзян Нин зачерпнула ложку супа, но стоило ей сделать глоток, как перед ней появилась еще одна пиалушка.

Это Уван налил ей суп.

Они переглянулись.

Цзян Нин первая сдалась: она отставила в сторону суп, который ей налила Дань Юнь, взяла тот, что предложил Уван, и уткнулась в него, принявшись пить.

А ту пиалу, от которой она успела отпить хоть ложку, перехватил Уван.

Подумаешь, какая-то миска супа, а Цзян Нин даже не представляла, на что именно дует Уван.

В том мимолетном взгляде Цзян Нин отчетливо прочитала свирепую «угрозу».

Этот ужин дался тяжело всем, кроме ничего не понимающего Хуай И, — каждый чувствовал себя не в своей тарелке.

И больше всех, без сомнений, мучилась Цзян Нин.

Дань Юнь, будучи хозяйкой дома и к тому же новоиспеченной старшей сестрой Цзян Нин, вполне естественно проявляла о ней заботу.

Стоило Дань Юнь положить что-нибудь в тарелку Цзян Нин, как Уван тут же подкладывал ей точно такое же блюдо, к которому она еще даже не притронулась.

Если бы после нескольких таких повторов Дань Юнь не поняла, что вытворяет Уван, она бы посрамила свой род лисиц.

Ей еще не доводилось встречать мужчин с настолько сумасшедшей одних собственническими замашками.

Дань Юнь украдкой закатила глаза, совершенно испортив свой утонченный образ.

Это лишь доказывало, что даже Дань Юнь потеряла дар речи от выходок Увана.

— Уван, почему ты вечно ставишь мою сестру в неловкое положение?

Стоило им распрощаться и уйти, как Цзян Нин не выдержала и высказала Увану свое недовольство.

— С чего это я ставлю ее в неловкое положение?

То, что он вообще смог вытерпеть ужин в компании тех двух ёкаев-лис, уже было величайшим проявлением уважения к Цзян Нин.

Обычные люди не чувствуют лисьего запаха, исходящего от этих двоих, но он-то чуял его превосходно.

Его и так уже подташнивало, а теперь Цзян Нин еще и отчитывала его. Вернувшись, он обязательно как следует с неё за это спросит.

— Ты и сама знаешь.

При столь явной враждебности она просто не верила, что Уван делает это не нарочно.

Уван прищурился, глядя на Цзян Нин:

— Ты так и не сказала, с чего это за один день у тебя вдруг появилось две сестрицы?

Слово «сестрицы» Уван выделил с особым нажимом, и даже Цзян Нин расслышала в его голосе недовольство.

— Да вот сегодня, мы побратались сестрами.

Цзян Нин заложила руки за спину и неспешно зашагала вперед.

— Ну ты даешь.

Уван процедил эти три слова сквозь зубы, почти скрежеща ими.

— Разве нельзя?

Пожалуй, из-за того, что Уван слишком многое ей позволял, Цзян Нин больше его не боялась. То, что Уван слушал ее и не стал нападать на Хун Лин и остальных, уже достаточно ярко доказывало ее положение в его сердце.

Поэтому ей не было смысла его бояться — в конце концов, он все равно не причинит ей реального вреда.

Побывав на прогулке, Цзян Нин пребывала в превосходном настроении. Напевая себе под нос песенку, она вернулась в комнату и сама налила себе чаю.

— Уван, как твои дела? Удалось уладить то, за чем ты уходил?

Попивая чай, Цзян Нин обернулась на Увана, который только что запер дверь и направлялся вглубь комнаты.

— Неплохо. Уван отозвался и уже подошел к Цзян Нин.

Цзян Нин внезапно охватило дурное предчувствие.

И правда, в следующую секунду Уван подхватил ее с пола на руки. Чашка с глухим стуком упала на землю, и чай брызнул во все стороны.

— Уван... ты что делаешь?

Ощущение невесомости заставило Цзян Нин инстинктивно обнять Увана за шею.

Когда ее опустили на постель, Цзян Нин все еще пыталась сопротивляться — до тех пор, пока он не прихватил ее за подбородок и не испил до дна эти тронутые помадой алые губы.

Увану все еще казалось мало: он прихватил зубами пухлую ложбинку на ее верхней губе и легко покусывал ее.

Цзян Нин задыхалась от поцелуя, и когда он наконец отпустил ее губы, они онемели настолько, что казались чужими.

Поцелуй Увана продолжался, и в конце концов он замер на пухлой мочке уха Цзян Нин.

Это место было самым чувствительным у Цзян Нин, и каждый раз, когда Уван целовал его, она невольно начинала дрожать.

Для Увана Цзян Нин во всем была благоухающей, мягкой и до безумия желанной. Это привело к тому, что Уван оказался абсолютно не в силах прекратить надругательство над Цзян Нин.

Он думал лишь о том, как следует наказать Цзян Нин, заставить её искупить его тревогу, испытанную, когда он вернулся и не нашёл её на месте. Но в процессе наказания он всё меньше и меньше мог себя контролировать.

Невидимое пламя словно сжигало его изнутри, и лишь касаясь Цзян Нин, он находил крохи утешения.

Однако с каждым разом ему хотелось всё большего, и его аппетиты становились ненасытными.

И как раз в самый критический момент Цзян Нин вернулась в свой истинный облик.

Глядя на пустые объятия, Уван почувствовал, как жар, который он никак не мог подавить, в одно мгновение остыл.

Словно застрявший в груди ком никак не удавалось ни выплюнуть, ни проглотить.

Он приподнялся и встал.

На постели пышно цвели розовые цветы — нежные и сочные, лепесток к лепестку, словно излучающие мягкий блеск полированного нефрита.

Хорошо, как же хорошо!

Уван в мгновение ока вылетел из комнаты.

Хи-хи, какая же я умная, чуть было не попалась.

Цзян Нин вовсе не желала так быстро заходить слишком далеко с Уваном.

Связь без замужества и свадебных обрядов была недопустима.

К тому же Уван сейчас всё ещё оставался монахом.

Хотя Цзян Нин и заглядывалась на его Юань-ян, она не стала бы вредить ему в такой момент и делать посмешищем.

Когда Уван вернулся снова, прошло уже полчаса.

Цзян Нин вновь приняла человеческий облик и сладко спала на кровати.

Принеся с собой прохладу сырости, Уван прижал её к груди и тяжело припал к тем алым губам.

Во сне Цзян Нин недовольно всхлипнула и попыталась отмахнуться рукой от мерзавца, потревожившего её сладкий сон.

Он поймал её руку и сжал в ладони.

Цзян Нин проснулась, но её одолевала такая дремота, что глаза никак не открывались.

Маленькая паршивка.

Уван поднёс её руку к губам и слегка покусывал, а Цзян Нин, как ни пыталась, не могла выдернуть её назад.

К счастью, Уван больше ничего не предпринимал, и Цзян Нин вскоре снова провалилась в сон.

Уван и Ма Фан совместными усилиями вели поиски в течение трёх дней и наконец выследили логово злой ёкай-лисы.

Вот только ёкаи лучше всего умели морочить людям головы и менять личины, так что поймать её было непросто.

Ма Фан, будучи простым смертным, мог лишь навести порядок среди горожан и поднять тревогу на улицах, чтобы лишить ёкай-лису возможности скрыться и облегчить Увану поимку.

Уван тоже не подвёл.

Ему удалось успешно схватить злобную ёкай-лису — трёхсотлетнюю Белую лису, которая совершенствовалась, поглощая жизненную силу и кровь мужчин, и давно пала на путь демонов, перестав быть обычным ёкаем. Уван не стал убивать её на месте, поскольку этот ёкай обладал человеческим разумом, умел читать людские сердца и таил в себе чудовищную обиду. Убийство такого существа вызвало бы разрушительную кармическую отдачу: в лучшем случае это привело бы к резкой перемене характера, а в худшем — к помрачению рассудка и падению во Тьму.

Ёкая-лису запечатали в артефакт и передали Ма Фану. На том всё и закончилось: Ма Фан должен был поручить кому следует доставить её в столичный монастырь, чтобы тамошние высокопоставленные монахи направили заблудшую душу на путь истинный.

Как только с делами было покончено, Уван загорелся нетерпением поскорее вернуть Цзян Нин в Храм Душуй.

Цзян Нин тоже не стала медлить. Попрощавшись с Дань Юнь и остальными, она вместе с Уваном отправилась в обратный путь.

Юнчэн располагался не так уж далеко от Храма Душуй.

Пять дней в пути — и они на месте.

Стоило им приблизиться к обители, как до их слуха донеслось размеренное чтение сутр.

Для любого ёкая этот звонкий речитатив звучал подобно адскому грохоту, пронзающему мозг насквозь.

Сама Цзян Нин ничего подобного не испытывала: слушая пение Увана изо дня в день, она уже давным-давно к нему привыкла.

Куда больше её страшило исходившее от храма буддийское сияние.

Золотистые лучи казались настолько густыми и яркими, что, казалось, стоило им лишь слегка коснуться её кожи, как она тут же обратится в прах.

Переборов страх, она шагнула за Уваном на территорию обители.

К её величайшему удивлению, Цзян Нин не почувствовала ни малейшего дискомфорта. Свет ламп мягко падал на её плечи, лаская теплом, словно лунный свет в прохладную ночь.

Уван обернулся и бросил взгляд на Цзян Нин, которая отстала от него уже на добрый десяток шагов.

Цзян Нин тут же запрыгала на месте и вприпрыжку догнала его.

Теперь они шли плечом к плечу.

По дороге им то и дело попадались монахи. При виде Увана лица каждого из них озарились радостной улыбкой.

Стоило же им заметить рядом с ним Цзян Нин, как в их глазах тут же читалось глубокое недоумение.

Не обращая внимания на приветствия братии, Уван уверенно вёл Цзян Нин мимо них.

Наконец они отыскивали келью Настоятеля — его собственного учителя.

Цзян Нин к тому моменту уже успела повидать добрую половину здешних монахов.

Прежде она думала, что среди служителей будды полно писанных красавцев, но, оглядевшись вокруг, поняла: большинство обладало самыми заурядными лицами.

Таких, как Уван, среди них не нашлось ни единого.

То, с каким любопытством Цзян Нин разглядывала остальных монахов, шевельнуло в душе Увана неприятный укол раздражения.

Он слегка дёргнул её за рукав, предостерегающе глядя исподлобья.

Цзян Нин надула губки и послушно перестала глазеть по сторонам.

Настоятель оказался благообразным старым монахом с длинной белоснежной бородой. Когда он улыбался, уголки его глаз собирались лучиками морщин.

<http://bllate.org/book/22208/2315190>